

Юрий КЛАРОВ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АЛЕКСАНДРА КОЛЧАКА

Великая трагедия гражданской войны в России складывалась из трагедий миллионов людей, погибших от пуль, голода, болезней — сыпного тифа, холеры, чумы, оспы. Среди этих миллионов был и Александр Колчак, известный путешественник, флотоводец, крупнейший специалист по минному делу, ученик адмирала Макарова и Фрильофа Нансена, возглавивший в конце 1918 года контрреволюцию Сибири и расстрелянный в начале 1920 года по решению Иркутского большевистского ревкома. 14 ноября 1919 года в Омск ворвались части Пятой армии. Столица Колчака пала. На башенке бывшего здания колчаковского Совета министров взвился красный флаг.

Победителям достались сотни вагонов со снаряжением и боеприпасами, десятки тысяч больных сыпным тифом и три тысячи захороненных трупов, распространяющих смрад по всему городу...

После сдачи Омска столицей «всероссийского правительства» стал Иркутск. Сюда переехали Совет министров, центральные учреждения и иностранные миссии. Здесь же теперь находилось командование чехословацких войск, контролировавших Транссибирскую магистраль. Сам Колчак в Иркутск не поехал, но его поезд по мере отступления белогвардейских дивизий под напором красных медленно, но неуклонно приближался к Иркутску. Сюда, в этот поезд, стекались сведения с фронта и из новой столицы. И сведения эти были неутешительны: стабилизировать фронт генералу Каппелю никак не удавалось, а в Иркутске, похоже, готовилось восстание, возглавляемое Полит-центром — временным блоком эсеров, меньшевиков, земцев и Крестьянского союза. Политцентр намеревался создать в Сибири эсерово-меньшевистскую республику — демократическую и независимую. И этим планам сочувствовало чешское командование.

И вот восстание, в которое не верил не только Колчак, но и большевики, началось.

А вскоре адмиралу передали телеграмму из Иркутска: «Нижнеудинск, поезд верховного правителя.

Создавшаяся в Иркутске политическая обстановка повелевает Совету Министров говорить с вами откровенно. Положение в Иркутске после упорных боев... заставляет нас в согласии с командованием решиться на отход на восток... Непременным условием вынужденных переговоров об

отступлении является ваше отречение, так как дальнейшее существование в Сибири возглавляемой вами российской власти невозможно. Совмин единогласно постановил настаивать на том, чтобы вы отказались от прав верховного правителя, передав их генералу Деникину, и указ об этом передать через чехоштаб предсовмину для публикации. Это даст возможность согласить идею единой всероссийской власти, охранить государственные ценности и предупредить эксцессы и кровопролитие, которые создадут анархию и ускорят торжество большевизма на всей территории. Настаиваем на издании вами этого акта, обеспечивающего от окончательной гибели русское дело...»

5 января 1920 года адмирал подписал указ об отречении, а в ночь с 12-го на 13-е, по требованию Политцентра, чехами были разоружены его конвой и охрана поезда с золотым запасом России. 15 января в Иркутске в 10 часов вечера состоялась передача чехами Колчака, председателя Совмина Пепеляева и их свиты Политцентру. С чешской стороны акт передачи подписали политический представитель Чехословацкой республики доктор Благож и начальник эшелона № 52 майор Кадлец, с русской — заместитель командующего войсками Политцентра Нестеров и члены комиссии. А еще несколько дней спустя бывший верховный правитель предстал перед сформированной Политцентром следственной комиссией.

Читая составленные по всем правилам юриспруденции протоколы, трудно себе представить, что, когда велся допрос, к западу от Иркутска шли последние кровавые бои и где-то там, в занесенной колючим снегом избушке, умирающий Каппель, командующий уже не существующим фронтом, прерывистым шепотом диктовал адъютанту обращение к сибирским крестьянам с мольбой поддержать погибающее белое движение: «За нами с запада подвигаются советские войска, которые несут с собой коммунизм, комитеты бедноты и гонения на веру Иисуса Христа. Где утвердится советская власть, там не будет трудовой крестьянской собственности, там в каждой деревне небольшая кучка бездельников, образовав комитеты бедноты, получит право отнимать у каждого все, что им захочется.

Большевики отвергают Бога, и, заменив Божью любовь ненавистью, вы будете беспощадно истреблять друг друга.

Большевики несут к вам заветы ненависти к Христу, новое красное Евангелие, изданное в Петрограде коммунистами в 1918 году...» Члены следственной комиссии не торопились. Они спрашивали адмирала о его отце, матери, юности, учебе в гимназии и Морском корпусе, участии в экспедициях. И Колчак, так же неторопливо, обстоятельно отвечал на задаваемые ему вопросы. Он мог быть доволен. Неожиданно для себя получил возможность высказаться. Нет, не перед комиссией. Люди, сидящие за столом, его не интересовали. Вождь белого движения говорил не для них. Показания предназначались для русской общественности, для оставшихся в

живых членов императорской фамилии, для Франции, Англии, Японии, для президента Американских Соединенных Штатов Вильсона, гостем которого он был два с половиной года тому назад, — для истории. Но отчет адмирала перед историей остался неоконченным... Разгромленные Пятой армией части белых, отступая на восток, оказались под Иркутском. Их командованием был предъявлен ультиматум. Одним из пунктов этого ультиматума являлось освобождение Колчака и его председателя Совета министров Пепеляева. Удастся ли в случае отказа выполнить ультиматум, отстоять город от белых?

Члены Иркутского ревкома, которому вынужден был передать власть Политцентр, в этом не были до конца уверены. И так?..

6 февраля 1920 года Иркутский военно-революционный комитет постановил:

- 1) бывшего верховного правителя адмирала Колчака и**
- 2) бывшего председателя Совета министров Пепеляева расстрелять.**

Лучше казнить двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв.

Председатель Иркутского военно-революционного комитета А. Ширямов. Члены: А. Сноскарев, М. Левенсон. Управляющий делами Н. Оборин».

Вокруг расстрела Колчака возникло много романтических легенд и мифов. Действительность прозаична. Привожу свидетельства участников этого события — военного коменданта Иркутска И. Бурсака и председателя Иркутской чрезвычайной следственной комиссии С. Чудновского. И. БУРСАК. Вечером 6 февраля я был вызван в ревком, там уже находился предгубчека Чудновский. Ширямов вручил нам постановление о расстреле Колчака и Пепеляева. Мы вышли и договорились, что я подготовлю специальную команду из коммунистов. Коменданта тюрьмы я предупредил о предстоящем расстреле и приказал ему не отлучаться, а весь караул держать в боевой готовности. Во втором часу ночи я с командой прибыл в тюрьму. Через некоторое время туда подъехал и Чудновский. Мы вошли в камеру к Колчаку и застали его одетым — в шубе и шапке. Чудновский зачитал ему постановление ревкома. Колчак воскликнул:

— Как! Без суда?

Чудновский ответил:

— Да, адмирал, так же как вы и ваши подручные расстреливали тысячи наших товарищей.

Поднявшись на второй этаж, мы вошли в камеру к Пепеляеву. Этот тоже был одет. Когда Чудновский зачитал ему постановление ревкома, Пепеляев упал на колени и, валяясь в ногах, умолял, чтобы его не расстреливали. Он

уверял, что вместе со своим братом генералом Пепеляевым давно решил восстать против Колчака и перейти на сторону Красной Армии. Я приказал ему встать и сказал: — Умереть достойно не можете... К четырем часам утра мы прибыли на берег Ушаковки, притока Ангары.

С. ЧУДНОВСКИЙ. Мороз тридцать два — тридцать пять градусов. Ночь светлая. Тишина мертвая. Только изредка со стороны Иннокентьевской раздаются отзвуки отдельных орудийных и ружейных выстрелов. На небе полная луна, светло, как днем. Мы стоим у высокой горы, к подножию которой примостился небольшой холм. На этот холм поставлены Колчак и Пепеляев.

И. БУРСАК. На мое предложение завязать глаза Колчак отвечает отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит:

— Пора.

Я даю команду:

— Взвод, по врагам революции — пли!

Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь...

Возвращаемся в тюрьму. На обороте подлинника постановления ревкома о расстреле Колчака и Пепеляева пишу от руки чернилами: «Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 года за № 27 приведено в исполнение 7 февраля в 5 часов утра в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта иркутской губернской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися: Председатель Чрезвычайной следственной комиссии С. Чудновский. Комендант города Иркутска И. Бурсак».

Так закончилась жизнь Александра Колчака.

Протоколы допросов Колчака, которые сейчас возникли из небытия, являются важнейшими документами гражданской войны. К ним еще не раз будут обращаться историки. Но значение протоколов не только в этом. Они своеобразный рассказ о человеке, сложном, противоречивом, одной из наиболее ярких фигур в белом движении России, человеке, значительно более крупном, чем Деникин, Врангель или Юденич.